

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.034

УДК 32

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ

доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России
РУДН имени Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва
E-mail: de373@mail.ru

Н.П. МЕДВЕДЕВ

доктор политических наук, профессор,
главный редактор издательства «Наука сегодня»,
Россия, г. Москва
E-mail: medvedevnp1952@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ, ГИБРИДНЫЕ И ПРОКСИ-ВОЙНЫ: ОБЗОР НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В предлагаемом обзоре авторы задались целью рассмотреть вопрос, как в научных публикациях освещается вопрос об информационном противостоянии в гибридных войнах? Известно, что вопросы этого порядка поставлены уже давно. Но в связи с изменившимися обстоятельствами и условиями объективного и субъективного характера, угрожающими по сути миру ядерной войной, включенностью России в специальную военную операцию на территории Украины, не только растет число публикаций на эту тематику, но и, что наиболее интересно в теоретическом и прикладном значении, наметилась эволюция как в подходах к анализу военных конфликтов и войн, так и в формах и содержании такого их элемента, который коррелируется с термином «информационная война». Результаты анализа и обзора научных статей, представленных к публикации в рецензируемых журналах издательства «Наука сегодня», показали, что, во-первых, в исследовательскую работу на заданную тематику включились непосредственные участники боевых действий. Во-вторых, совместная исследовательская работа участников боевых столкновений с экспертами и аналитиками позволяет придать анализу гибридных войн, информационной стратегии и мерам в этом сегменте войны то высокое место, которое отводится ей в новых обстоятельствах и условиях. И уменьшить, а то и избежать тех ошибок, которыми обычно страдают сугубо теоретические исследовательские изыскания. В-третьих, авторы обзора всецело солидаризируются с одним, важнейшим выводом исследователей, что отличиями тотальной гибридной войны коллективного Запада против России от гибридных войн против других стран является самое полное и объемное использование Западом в качестве инструмента опосредованной войны с Россией целого государства, а не отдельных его институтов.

Ключевые слова: информационные войны, прокси война, опосредованная война.

1. Введение. Война не стала порицаемой и устаревшим фактором и инструментом взаимодействия между странами и народами. Правительства и армии всего только поменяли способы и средства решения своих целей и задач с помощью все той же войны, обретшей новомодные названия [20]. Если мы верно трактуем более-менее сложившиеся в научном, экспертном, политическом сообществе представления, что такое комплекс современных войн под названиями – «гибридная война», «прокси война», «информационная война», то под этим понимают самый широкий набор стратегий, инструментов, средств и методов (от прежних и новых, до совершенно экзотических [17]), принятых на вооружение и используемых в борьбе ведущими державами мира ради удержания своего влияния, господства или лидерства. Информационная война в этой стратегии выполняет, на наш взгляд, роль «правдоподобного отрицания» (plausible deniability) ужасов войны, какой она является по сути. Или прикрытие этих ужасов посредством массированных и регулярных информационных вбросов в общественное сознание о будто бы только невоенных и, следовательно, почти гуманных, морально и этически допустимых и приемлемых методах воздействия на противника. В этом, допускаем, можно видеть признаки новизны и современного своеобразия, что раньше было в меньших масштабах и значениях. Присмотримся внимательней, как российскими современными исследователями решается вопрос, в каких понятиях и смыслах анализируется проблема воспроизводства и использования совокупных видов войны (гибридных и опосредованных), которые, на наш взгляд, можно было бы определить как постмодернистское искусство и политика милитаристского и проксимилитаристского доминирования и борьбы.

Наш обзор научных статей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 19], опубликованных в 2023-2024 гг. в журналах «Вопросы политологии», «Вопросы национальных и федеративных отношений», «Евразийский Союз: вопросы международных отношений» издательством «Наука сегодня» написан в тот момент, когда реальна, объективна, преднамеренна и естественна реакция Российской Федерации на происходящее в отдалении, вокруг и буквально рядом, и даже на части территории ее самой в форме специальной военной операция (СВО). А в политико-военной повестке так никогда прежде не стоял столь остро вопрос об экзистенциальной угрозе суверенитету российского государства. Транслируемые сообщения, в том числе и с линии боевого столкновения, если и толкают общественное настроение к умеренному радикализму, то оно пока блокируется то ли бюрократической чопорностью, то ли – осторожностью и трезвым расчетом, как бы не поддаться искушению на действия провокационного характера и с непредвидимыми разрушительными последствиями. При этом российское общество только кажется, что ушло в себя. В повседневности бытия и сознания подготавливается распространение вширь и вглубь не только того, что декларируется и демонстрируется. Набирает силу ожидание и настроение за то, чтобы быть более решительными и действенными в осуществлении

проговариваемых целей и задач общенационального движения к разрешению военного положения и обеспечению защиты народов России и стратегической безопасности российского государства.

2. Доминирующие нарративы обзора и их критическое осмысление.

На фоне доминирующих информационных сообщений резонирует то, что по-разному оценивая причины, истоки и последствия теперь уже и возможной мировой войны, все же почти все, и здесь в России, и там, на Западе и Востоке, на Севере и Юге, склонны одинаково признать – степень и масштаб угрозы ядерного апокалипсиса близок к недопустимой запредельности. И что важно подчеркнуть, к ядерной войне и ее теоретическом концептуальным обоснованиям и объяснениям подвязаны концепции этой самой гибридной воны. Кажется об этих видах войны уже много написано, но, к сожалению, мало из этого что понято и еще меньше найдено возможностей, как предотвратить угрозу войны. Что было бы логично, если считать все же, что у руля мира ответственные и трезвомыслящие персоны. Если это и не так, или совсем не так, то среди исследователей можно найти и обнаружить серьезные аналитические исследования, которые как раз дают повод не быть в глубокой прострации и неведении. В этой связи, с нашей точки зрения мы бы отметили во всех допустимых степенях, применяемых к такому формату исследования, оригинальную работу исследователя А.А. Алаудинова «Концепции и подходы ведения гибридных войн Китайской Народной Республики» [1].

Уже нет необходимости считать парадоксом то, что информационная война и войны других типов и видов – гибридная, проксивойны – тождественные или дополняющие одно другим понятия. Хотя именно версия отождествления или раздельного прочтения этих терминов по-прежнему, как можно видеть, доминирует в научных исследованиях [18]. Работа А.А. Алаудинова, мы возвращаемся к ней, не только потому имеет ценность в рамках нашего очерка, и что в ней представлены «основные концепции и ключевые подходы» ведения гибридных войн Китайской Народной Республики. Интерес представляют, как теоретические наработки китайских специалистов в этой области, так и примеры конкретного применения Китаем средств гибридных войн. Приведем цитату: «Основная ставка в современных гибридных войнах Китаем делается на киберинструменты, использование собственных ЧВК, санкции и контрсанкции. Следовательно, имеет место смещение акцента на некинетические методы гибридных войн, и, как представляется, в обозримом будущем такая диспропорция сохранится. Китайские специалисты достигли довольно значительного прогресса в кибернетической и торгово-экономической (санкции и контрсанкции) аспектах гибридных войн, но в то же время практического опыта в кинетических формах гибридных войн у Китая сравнительно мало. В частности, Китай не участвует в «цветных революциях», как это делают США, и не использует иррегулярные парамилитарные формирования в качестве основного инструмента демонстрация неугодного политического режима» [1].

Результаты исследования А.А. Алаудинова и выводы на его основе заслуживают отдельного анализа и квалифицированной экспертной оценки. Мы же

пока укажем, на наш взгляд, на самое существенное, и требующее детализации или уточнения, что отражено в выводах автора. Повторим важное в цитате: «... Китай делает основную ставку на некинетические формы гибридных войн» [1]. Достаточно ли будет утверждать, и насколько это утверждение обосновано, что Китай делает ставку на некинетические формы гибридной войны только потому, что у него нет такого опыта? Считаем, в этом аспекте автору есть над чем поработать. Поле теоретических допущений очень велико: а) вряд ли Китай не будет осваивать опыт других, кто использует кинетические формы гибридной войны. Это как-то не логично, зная китайскую тягу к заимствованию, подражательству, копированию всего, чем богаты другие страны даже в тех же технологиях и в социально-политической практике; б) не исключено, что потребуются более детальная проработка содержания самого понятия – «кинетические формы гибридной войны» [12]. Если исходить из самого простого прочтения термина «кинетическое», то речь идет о силе, энергии при движении тела. Тогда опять же маловероятно, что кинетические формы гибридной войны будут чужды такому гиганту, коим является Китай. Можно предположить, что Китай в силу своих, свойственных ему культурных и политических традиций, внесет в кинетические формы гибридной войны только ему свойственные элементы в качестве основного инструмента для достижения военно-политических целей. К тому же Китаю естественно в силу его геополитической роли и месту, и уже не чуждо превращать даже некинетические формы гибридной войны в потенциальную силу и энергию воздействия для ослабления системных оснований его противников.

Возвращаясь к другим работам нашего обзора, есть основание и смысл обратиться к тем аспектам, которые описывают и анализируют прямых и опосредованных участников военного конфликта, например, на Украине. И выявляют отличия конфликта на Украине и войн в Ливии и Сирии. Существенными, знаковыми, возможно и не бесспорными в научном аспекте, может быть отнесение к прямым участникам военного конфликта на Украине – самой Украины и России; а к опосредованным участникам – стран коллективного Запада, включая США, Великобританию, Францию и Германию, а также Китай, Индия, Иран и КНДР. Не проходным, а знаковым можно считать вывод группы авторов (А.А. Алаудинов, К.С. Стигунов, А.Р. Гончаренко) относительно того, что «основными отличиями тотальной гибридной войны коллективного Запада против России, частью которого выступает военный конфликт на Украине, от гибридный войн против Ливии и Сирии является использование Западом целого государства как инструмента опосредованной войны с Россией и оказание ему колоссальной комплексной поддержки» [4].

На наш взгляд, предпочтительней в анализе рассматриваемой нами темы исходить из того, что информационные коммуникации, информационная политика обрели ныне, особенно в гибридных и прокси войнах, одно отличительное свойство и предназначение – быть инструментом не столько пусть даже изоцированной информации, сколько сплетенным в тугую узел орудием пропаганды, контрпропаганды, инструментом создания дезинформации, фейковых новостей

и использования слухов для манипуляции общественным мнением ради подрыва доверия обществ к власти в стране противника. В разных аналитических и стилистических интерпретациях об этом и так пишут исследователи З.С. Иващенко, О.В. Васильченко, Д.К. Григорян, А.Б. Малявина [13] и М.С. Власов [6].

Не столько информация и способы ее передачи стали пространством и орудием противоборства между государствами в гибридных и проксивойнах. Острейшее противостояние идет в той части информационного противостояния, которое, одно стороной, готово и обрело силу вбрасывать монбланам лжи и клеветы, фейковых новостей, другой стороной, как этому противостоять. Рассмотрев, например, проблемы распространения фейк-новостей в условиях Специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территории Украины, указанные выше авторы приходят к выводу – фейк-новости представляют собой доступный «инструмент» для манипулирования общественным сознанием в рамках информационной войны. Рядом с такого рода исследованиями становятся исследования проблематики уголовно-правовой оценки и наказаний за факты распространения заведомо ложной информации, имеющих своей целью дискредитировать деятельность вооруженных сил Российской Федерации и государственной власти в целом [13].

Представленные в нашем обзоре некоторые работы являются подтверждением и отражением того, что уже не редкими являются исследования, посвященные угрозам информационной безопасности как фактору стратегического суверенитета на пространстве Большой Евразии [5], и в границах сотрудничества Шанхайской организации сотрудничества и организации объединенных наций (ШОС) [11]. Как и касающиеся информационной войне как угрозы национальной безопасности страны в условиях конфликтов XXI века [9]; гибридной войны в виде информационной стратегии НАТО – вызова для России [15]. Или работы, посвященные вопросам и проблемам современных тенденций в политике кибербезопасности только крупных держав [10].

В настоящее время толкование, интерпретация и комментирование целей и задач России в специальной военной операции на Украине в условиях тотальной гибридной войны приобретает характер сложной ментальной, идейно-политической операции. По ходу такой операции обнаруживаются признаки ложного их истолкования или подмены другими целями и задачами. Как и догматическое их воспроизведение без учета постоянно меняющейся социально-политической обстановки и обстановки на полях сражений. В этом плане, опять же, самого пристального внимания и взвешенного аналитического анализа заслуживает статья А.А. Алаудинова «Цели и задачи в специальной военной операции на Украине и в гибридной войне с коллективным западом» [2]. Принципиально и важно то, что автор разделил цели по уровням – общестратегического – демилитаризация и денацификация Украины, и ключевого значения, выделив при этом и комплекс практических задач – освобождение определенных, фиксированных и других территорий. Не усомнился автор статьи в том, чтобы выделить и определить в качестве ключевой цели России в гибридном противостоянии с коллективным

Западом создание многополярного мира, в котором не будет доминирования США и их союзников-сателлитов.

Как всюду и везде, в информационной войне, обеспечивающей успех или провал в гибридной войне, выделяются и приобретают то большее, то меньшее значение те или инструментари, стили, способы борьбы. Это хорошо известно умелым ее борцам. Все они пришли к единому мнению – «в современных гибридных войнах особое значение придается ментальному измерению – воздействию на мышление противника. В отличие от концепта «когнитивной войны», активно развиваемой на Западе, «ментальная война» – чисто российское изобретение, возникшее как альтернатива западному «когнитивному» подходу». Об этом отчетливо и без всякой двусмысленности пишут А.А. Алаудинов и А.В. Манойло [3]. Авторы статьи за концептуальными постулатами, если мы не ошибаемся, не скрыли необходимости дифференциации той и другой модели восприятия войны разными цивилизациями и системами мышления – российской, западной и прозападной; систем мышления как симметричного ответа российской ментальности западной «когнитивной агрессии».

Материал статьи этих двух авторов ко многому обязывает в процессе его обозрения. Позволим себе в этом случае и при заявленной нами осторожности высказать ряд соображений, навеваемых данной статьей. Не лишне усвоить себе, что российская ментальность и ментальная война может иметь успех, если за ними учение, идеология и ценности более правдивые. Но и этого мало. Нужно донести эту правду с такой силой, чтобы преодолеть тяжесть борьбы за правду. Противник, кто бы он ни был, тоже хорошо знает по собственному опыту цену правде и ее силе. И потому с наибольшей яростью выступает против тех, у кого редкие качества нести правду и истину. Если бы это знать и этими простыми постулатами умело пользоваться, то пришлось бы изумляться тому, как в течение короткого времени конкретной державе удалось переформатировать сознание целого народа. Наши ментальные и когнитивные оппоненты умеют создать определенное мнение, притом в таких случаях, когда речь идет о заведомой фальсификации подлинных фактов и взглядов или желаний и настроений обществу и в среде масс населения.

К тому же надо бы нашей ментальности одуматься. Расчеты на смену политического курса у политического руководства в стране главного держателя мировых акций поддержания стабильности тоже страдают: либо наивностью с нашей стороны, либо издержками слабости человеческого сознания и необузданного теперь ничем поведения. Об этом, примерно, тоже рассуждает, и к такого рода выводам, рассматривая и анализируя специфические стратегии и тактики информационного противостояния России и США, приходит исследователь М.С. Власов [6]. Им анализируются успешные и неудачные примеры информационных кампаний в рамках гибридных конфликтов, такие как возвращение Крыма, конфликт на востоке Украины и борьба с терроризмом. Далее освещаются последствия информационных операций для международных отношений, в частности, усиление международной изоляции и введение санкций. Автор

приходит к выводу о наличии экономической созависимости между Россией и США, несмотря на политические разногласия.

Чтобы не потеряться в лабиринте сложных пересечений интересов России и США, исследователи О.В. Волох и В.А. Костюков считают необходимым глубже понимать роль российских и американских СМИ и их влияние на общественное мнение в государстве [7].

Исследователи А.А. Алаудинов и А.В. Манойло в своей работе показали, что информационным войнам предшествуют идеологические диверсии, направленные на ментальную сферу с целью ее ослабить или «раскачать», перевести в неустойчивое состояние, поскольку проще вести информационную войну со слабым противником, чем с противником, имеющим устойчивую психику» [3]. С нашей точки зрения речь собственно идет в этом случае и о таком процессе, как дезинформация.

Дезинформация, в самом широком ее значении, и раньше не была случайным довеском, вспомогательным жанром информационного влияния и воздействия в военных эпизодах. Сегодня же – это детально проработанный в научном и методологическом аспектах, оснащенный самыми современными техническими средствами, обеспеченный кадрами специалистов высокой квалификации (от нейропсихологов до отъявленных манипуляторов), инструментарий. Объяснений такого состояния много, как объективного, так и субъективного порядка. Но что нельзя упускать из вида и анализа, так это то, что даже участие в опосредованных или прокси-войнах сопряжено со значительными моральными и стратегическими рисками. И чтобы оправдать свою воинственность даже по моральным соображениям, правительства и военные так называемых демократических стран, стараются использовать информационные каналы и средства, обеляя свою агрессивную сущность, одурачивая неискушенную и склонную в массе своей толпу верить информационным выбросам без их перепроверки. Конечно, здесь есть для манипуляторов риск потерять доверие. Но это даже не самая опасная и рискованная оплошность или даже стратегия. Фишка в том, что для всех, и манипуляторов, и для потребителей манипуляторной информации теряется ощущение опасности самой войны, особенно, так называемой, опосредованной и проксивойны. Через мощные и влиятельные каналы информации, находящиеся в руках тех самых интересантов и выгодоприобретателей от войн формируются ложные представления, будто бы это не они участники войны, а другие. Примерно на такой информационной основе формируется труднопреодолимое представление о войнах и военных конфликтах, в которых одна или несколько третьих сторон прямо или косвенно поддерживают одну или несколько государственных или негосударственных сторон конфликта. И они-то всего лишь стремятся повлиять на исход войны и тем самым продвинуть собственные стратегические интересы или подорвать интересы своих противников.

И совсем уже простым для не критичного ума, но убедительным является транслируемое в разных современных форматах суждение, что в прокси-войне третьи стороны не участвуют в боевых действиях в сколько-нибудь значительном

объеме. И что прокси-войны позволяют крупным державам избегать прямой конфронтации друг с другом, пока они борются за влияние и ресурсы. А если уж и есть прямые средства поддержки со стороны третьих стран или организаций военных конфликтов, то они всего лишь включают военную помощь и обучение, экономическую поддержку, а иногда и ограниченные военные операции с привлечением вспомогательных сил. В перечне опосредствованных войн и опосредованных их участников существует набор, будто бы, всего лишь косвенных средств поддержки: блокады, санкции, торговые эмбарго, другие стратегии, призванные помешать непременно авторитарному, нецивилизованному сопернику и агрессору. На этой полуправде, собственно, строится политика и искусство современных полувоин, которые не менее, а более ужасны своими последствиями, чем войны традиционные.

3. Заключение. Попытки свести научные исследования о состоянии хода войны в самых разных ее проявлениях в одно целое и изложить результаты этого процесса в систематической форме сами по себе представляют громадный интерес.

Обзор нами представленных работ есть свидетельство и пример, что в них нет того нарратива, который, к сожалению, стал играть не последнюю роль в повышении градуса недоверия и непримиримости. А прокси войны, информационные войны только усиливают недоверие и непримиримость.

На поверхности формируется и создается впечатление, что вирус разумного и взвешенного понимания происходящего в информационных войнах обрели и поддерживают в себе лишь единицы, как среди политиков, так и среди ученых, экспертов, специалистов. Обзор анализируемых нами научных работ и их авторы хотя бы отчасти опровергает эти впечатления. Но печально и опасно, что верх могут и в науке взять те, к кому применим точный по смыслу термин – «не нюхавшие пороху». Обзор статей российских ученых еще с намеком, но уже явно и в набирающей позитивный крен тенденции показывает – в науку идут и те, кто полной грудью вдохнул гарь пороха. Выкристаллизовывается новая наука о войнах, которой еще предстоит побороться за правду и моральные принципы понимания сути войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А.** Концепции и подходы ведения гибридных войн Китайской Народной Республики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
2. **Алаудинов А.А.** Цели и задачи России в специальной военной операции на Украине и в гибридной войне с коллективным Западом // Вопросы политологии. 2024. № 5.
3. **Алаудинов А.А., Манойло А.В.** Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны // Вопросы политологии. 2024. № 2.
4. **Алаудинов А.А., Стригунов К.С., Гончаренко А.Р.** Структура и характеристика субъектов военного конфликта на Украине и его основные отличия

- от гибридных войн в Сирии и Ливии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.
5. **Буданцев Э.В.** Информационная безопасность как фактор стратегического суверенитета на пространстве Большой Евразии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 6.
 6. **Власов М.С.** Особенности информационного противостояния России и США в гибридной войне // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 3.
 7. **Волох О.В., Костюков В.А.** Влияние средств массовой информации США на формирование общественного мнения в России // Вопросы политологии. 2023. № 11-1.
 8. **Горбунов Н.С.** Элементы внешнеполитической стратегической коммуникации в доктринальных документах России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.
 9. **Егорова М.Р.** Информационная война как угроза национальной безопасности страны в современном мире на примере конфликтов XXI века // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.
 10. **Жбанов А.М.** Современные тенденции политики кибербезопасности крупных держав // Вопросы политологии. 2024. № 7.
 11. **Закиров Б.Б.** Перспективы взаимодействия Шанхайской организации сотрудничества и Организации Объединенных Наций в борьбе с современными вызовами и угрозами безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 5.
 12. **Зеленцов Дмитрий.** Гибридные угрозы, информационные войны и прокси-конфликты // <https://dzen.ru/a/XrSCTTasfDbKdnlq?ysclid=m4i2ru0b4s557805673>.
 13. **Иващенко З.С., Васильченко О.В., Григорян Д.К., Малявина А.Б.** Фейковые новости о ходе проведения Специальной военной операции как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 9.
 14. **Мажников В.И.** Феномен информационных волн и фейк-ньюз в современной медиасфере // Вопросы политологии. 2024. № 6.
 15. **Скворцов Я.Л., Казарян Г.И., Курилкина Е.А.** Гибридная война: информационные стратегии НАТО и вызовы для России // Вопросы политологии. 2024. № 8.
 16. **Сулейманов Э.А.** Реализация информационной политики государства в современных условиях // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 2.
 17. **Тиханьчев О.В.** Гибридные войны: новое слово в военной искусстве или давно забытое старое? // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30256.
 18. **Уваров И.А.** Информационная составляющая гибридных войн // <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf?ysclid=m4h45unhka916859368>.

19. Уртаева Э.Б. Геополитические аспекты информационных войн и их влияние на политические процессы // Вопросы политологии. 2024. № 3.
20. Mumford Andrew. The New Era of the Proliferated Proxy War // <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2017/11/16/the-new-era-of-the-proliferated-proxy-war>.

D.E. SLIZOVSKY

Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of History of Russia RUDN University
named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

N.P. MEDVEDEV

Doctor of Political Sciences, Professor,
Russian political scientist and political figure,
Moscow, Russia

INFORMATION, HYBRID AND PROXY WARS: OVERVIEW OF THE LATEST RESEARCH

In the proposed review, the authors set out to consider the question of how the issue of information confrontation in hybrid wars is covered in scientific publications? It is known that questions of this order have been raised for a long time. But due to the changed circumstances and conditions of an objective and subjective nature that threaten the world with nuclear war, Russia's involvement in a special military operation on the territory of Ukraine, not only the number of publications on this topic is growing, but also, most interestingly in theoretical and applied terms, there has been an evolution in approaches to the analysis of military conflicts and wars, as well as in the forms and content of such an element of them, which correlates with the term «information war». The results of the analysis and review of scientific articles submitted for publication in the publishing house «Nauka Segodnya» showed that, firstly, direct participants in the hostilities joined the research work on a given topic. Secondly, the joint research work of participants in military clashes with experts and analysts allows us to give the analysis of hybrid wars, information strategy and measures in this segment of the war the high place that is assigned to it in new circumstances and conditions. And to reduce, or even avoid, those mistakes that usually suffer from purely theoretical research; Thirdly, the authors of the review fully agree with one, the most important conclusion of the researchers, that the differences between the total hybrid war of the collective West against Russia and hybrid wars against other countries is the most complete and extensive use by the West as an instrument of indirect war with Russia of the whole state, and not its individual institutions.

Key words: information wars, proxy war, indirect war.